

Даже у подножия трона Сына Неба есть места, не озаренные светом.

В этот день в Ханьцзине густо падал снег. В самой глубине Тринадцатого рынка Западного квартала кузница только что открылась. Подмастерье, зевая, потянул мехи, раздувая огонь в горне, не гасший всю ночь.

Вывеска «Кузница Чжан Да» на карнизе покачнулась. Кто-то, принеся с собой снег и ветер, откинул занавеску и вошел внутрь.

Подмастерье поднял взгляд и покраснел.

Этот человек был действительно красив.

Красавец улыбнулся ему и вежливо сказал:

— Прошу прощения, хозяин Чжан здесь?

Чжан Да лежал на спине в кресле-качалке, в руке держал красный чайник, потягивал из носика и с ног до головы оглядывал этого благородного юношу с яшмовым лицом и в парчовой одежде.

— Меч покупать вам надо на Южном рынке! У подножия императорского города частная отливка оружия запрещена, наша маленькая кузница на этом не зарабатывает!

Услышав это, Пэй Чоу улыбнулся и посмотрел на молодого подмастерья рядом.

Чжан Да подмигнул тому, и тот сообразительно вышел.

Пэй Чоу достал два серебряных слитка, положил на стол, подошел ближе, шепнул что-то на ухо Чжан Да, и лицо того резко изменилось. Он выпрямился, уставился на Пэй Чоу с испуганным и неуверенным выражением.

Пэй Чоу спокойно сказал:

— Хозяин Чжан, не нервничайте, у меня нет иных намерений, просто хочу совершить с вами сделку.

Спустя мгновение Чжан Да взял серебряные слитки.

— Пять дней, через пять дней забирайте.

— Хорошо.

— Пойдите, — прищурился Чжан Да. — У старика память не очень, но мне кажется, будто я уже видел вас, господин?

Пэй Чоу добродушно улыбнулся:

— Сегодня я здесь впервые.

Чжан Да тоже улыбнулся:

— Не торопитесь, господин.

Выйдя из Западного квартала, Пэй Чоу купил в лавке готовой одежды в Восточном квартале шляпу с вуалью, прикрыл лицо и направился на юг.

Дойдя до Южных ворот, Пэй Чоу как раз столкнулся с приближающимся патрулем стражи Ханьцзина.

Он быстро отступил в сторону, скрылся в переулке, большая часть лица была скрыта вуалью, только глаза выглядывали и наблюдали.

Справа впереди от Пэй Чоу, у стены, лежала куча соломы. Перед соломой сидел ребенок, лет десяти, в рваной одежде, с грязным лицом и всклокоченными волосами, смотревший на него темными зрачками.

Пэй Чоу взглянул на него, затем перевел взгляд обратно на улицу.

Стража Ханьцзина наконец ушла.

Пэй Чоу уже собирался выйти.

Тот ребенок вдруг сказал:

— Большой брат, ты что-то хочешь купить?

Голосок был звонким, похожим на девичий.

Пэй Чоу замедлил шаг, повернулся и присел перед девочкой на корточки, с улыбкой в глазах спросил:

— А у тебя что есть?

— Хе, да много чего! — Девочка подпрыгнула, словно уличный артист зазывала. — Высокие ворота и знатные дома, городские слухи и события, тысячи нитей шелка — выбирай на свой вкус!

Когда Пэй Чоу вернулся в усадьбу, солнце уже клонилось к закату.

Он позвал управляющего, велел не приносить ужин и не беспокоить его во внутреннем дворе, и направился прямо в кабинет.

Пэй Чоу сел за стол, достал из рукава несколько бумажек, развернул их одну за другой, разложил на столе, прижал пресс-папье и стал внимательно рассматривать.

Поскольку «Пэй Чоу» уже мертв, он не решался больше пользоваться прежней сетью осведомителей и пришлось идти на риск, пробуя удачу в бурлящем смешении добра и зла Южном квартале.

Пэй Чоу купил у девочки три сообщения.

Первое говорило, что в день убийства первого министра кто-то лично видел, как генерал Минвэй Цинь Янь ходил в Резиденцию великого наставника и вынес оттуда убитого первого министра Пэя.

Взгляд Пэй Чоу задержался на слове «вынес».

В городских слухах чаще передавали, что Цинь Янь вытащил его из паланкина. Разница в одном иероглифе, но смысл совершенно иной.

Он подумал немного и сказал себе, что тот, кто предоставил эту информацию, выразился очень дипломатично.

Второе сообщение говорило, что наследный принц Лю И с момента гибели первого министра Пэя заперся в Восточном дворце и никого не принимал.

Слуги, приносящие еду, изредка видели принца. Он выглядел изможденным, то тупо смотрел на бамбук в комнате, то переписывал какую-то каллиграфию, словно одержимый, похоже, это был «Трактат Цинхэ».

Когда император Цзинфэн пришел в Восточный дворец навестить принца и увидел его в таком упадническом состоянии, он тотчас разгневался и наказал его месячным домашним арестом для размышлений о проступках, что, впрочем, как раз соответствовало желанию принца.

«Трактат Цинхэ» был одним из его «знаковых произведений» из прошлой жизни — не более чем набор высокопарных фраз о спокойствии рек и морей, благополучии народа.

Ученики чрезвычайно почитали его, не исключая и его, ученика императорской семьи.

Пэй Чоу беззвучно вздохнул. Возможно, ему не следовало продвигать Лю И на эту позицию — это погубило его самого и навредило этому ученику.

Пэй Чоу развернул третью бумажку.

На востоке дворцового города строился Чертог Нефритового Императора. На днях там погиб прораб. Говорят, казенное жалование было выплачено неправильно, прораб пошел к начальству скандалить. Неожиданно, когда днем началась работа, этот прораб упал с недостроенной высокой стены и умер на месте.

Пэй Чоу нахмурился, читая.

Это сообщение было расплывчатым, но содержало много информации.

Император Цзинфэн снес большой лес к востоку от дворцового города и на его месте решил построить Чертог Нефритового Императора, чтобы в следующем году пригласить туда даосов для совершения обрядов и поисков бессмертия во дворце.

Этот Чертог Нефритового Императора строился уже больше полугода. Из-за сложного технологического процесса и высоких требований императора Цзинфэна к качеству работы и материалов сроки строительства были не короткими.

За строительством Чертога Нефритового Императора лично наблюдал Ши Гунпин. По основной должности он был министром Министерства работ, по совместительству — вторым помощником во Внутреннем кабинете.

Строительство Чертога Нефритового Императора было жирным куском. Ши Гунпин при малейшей задержке шел в Министерство финансов за дополнительным финансированием. Император Цзинфэн уже дал указание не экономить на строительстве Чертога, Коу Янь презирал подлые действия Ши Гунпина, но ничего не мог поделать.

Таким образом, с начала строительства этот тип наживался на нем и явно, и тайно.

Раз уж денег им никогда не урезали, как же возникли проблемы с жалованием прораба? Какие именно проблемы? Неправильная сумма? Или что-то еще?

Не говоря уже о том, что после скандала этот человек внезапно погиб — такие подлые действия по сокрытию фактов равносильны убийству для утайки.

Неужели из-за небольшой недоплаты жалования стоит убивать?

Купленная на черном рынке информация в конечном счете была недостаточно подробной. В сердце Пэй Чоу роились тысячи мыслей, но он не мог выстроить из них целостную линию.

Видя, как он легко расстаётся с деньгами, девочка добавила еще одно сообщение. Пэй Чоу развернул его: «Генерал Минвэй, кажется, положил глаз на племянника покойного первого министра, ланчжуна Министерства церемоний Пэй Сяошаня, хочет сделать его своим».

Пэй Чоу: «...»

Действительно, дешевое — не значит хорошее.

Пэй Чоу снял абажур с подсвечника справа, бросил несколько бумажек внутрь и одну за другой сжег дотла.

В его глазах прыгали отблески пламени, взгляд был мрачным.

Срок возвращения приближался. Пэй Чоу не хотел, чтобы перед этим возникли какие-либо проблемы. Он должен был гарантировать, что сможет безопасно покинуть Ханьцзин.

Что касается наследного принца, Цинь Яня, Ши Гунпина и даже Коу Яня — в его нынешнем статусе он не мог повлиять на них ни на йоту. Лучше держаться от них подальше, чтобы каждый жил в покое.

Незаметно ночь углубилась. Пэй Чоу пошел в передний двор, велел приготовить горячую воду, помылся, лег на постель и тщательно обернул лодыжки шерстяной повязкой.

В детстве он с Пэй Юньюнь ходил играть на замерзшую реку. Неосторожно наступил в прорубь, оставленную кем-то для ловли рыбы. Ноги по колено ушли в воду, и он никак не мог их вытащить. Брат с сестрой были слишком далеко от берега. Пэй Юньюнь в слезах побежала за взрослыми. Когда тетя и дядя прибыли, Пэй Чоу лежал на льду, все тело покрыто инеем, уже замерзший и без сознания.

При выписке с другими частями ног все было в порядке, только лодыжки болели ужасно.

Тетя и дядя водили его по всем крупным больницам, сделали бесчисленное количество полных обследований, но ничего не нашли. Потом ходили к старым врачам китайской медицины, те выписали травяные пластыри. Накладывали несколько месяцев — без улучшений. По-прежнему, как только становилось холодно, лодыжки пронзала костная боль, так что невозможно было ходить.

Пэй Чоу бледный от боли лежал на диване, не в силах подняться, и шутил, что это как женские критические дни, специально приходят в холод и просто убивают болью.

Тогда Пэй Юньюнь заплакала, слезы капали как горошины.

С тех пор каждую зиму сестра обязательно покупала ему в интернете кучу согревающих пластырей, время от времени напоминала ему их клеить. Иногда покупала так много, что к концу зимы еще не все были использованы.

Думая об этом всяком, Пэй Чоу чувствовал тепло в уголках глаз и бровей.

Он вдруг вспомнил странное поведение Цинь Яня несколько дней назад у павильона Слушания Волн.

Тот определенно тогда заподозрил его личность.

Цинь Янь, кажется, все время смотрел на его левое ухо. Что он там высматривал?

Пэй Чоу машинально ущипнул левое ухо, подумав: «Ничего особенного же?»

Не найдя причины, он просто накрылся с головой и отправился на свидание с богом сна.

Праздник Сяюань длился три дня. В Ханьцзине повсюду можно было видеть даосов в синих одеяниях. Дворцовые выглядели бессмертными, а вот за пределами дворца зрелище было не столь впечатляющим.

Спасибо за просмотр~

<http://bllate.org/book/15464/1368178>